

сеологич), во-вторых, преобладанием в изложении индукции, вследствие чего неединственность предложенных автором классификаций и выдвигаемых объяснений в ряде случаев кажется очевидной.

Луценко Н. А.

Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985. 158 с.

В последние годы исследования в области лезгинских языков, составляющих южное ответвление восточнокавказских языков, вызывают все возрастающий интерес как советских, так и западноевропейских кавказоведов. Поэтому следует всячески приветствовать выход в свет рассматриваемой монографии М. Е. Алексеева, которая посвящена вопросам исторической морфологии и синтаксиса лезгинских языков.

Работа делится на три основных части: введение, морфология и синтаксис, за которыми следует несколько заключительных замечаний. Введение содержит в первую очередь данные по отдельным лезгинским языкам, причем иногда приводятся краткие сведения из истории их изучения (примечательно здесь упоминание «ханутинского» диалекта кризского языка — диалекта, который, согласно А. Дирру, исчез уже к началу нашего века [4]). После указания на первые опыты сравнительного анализа отдельных разделов морфологии в лезгинских языках (попытки, предпринятые А. Дирром и Р. Эркертом), а также сведений о последующих важных этапах истории изучения в книге приводится таблица звукосоответствий между лезгинскими языками, предложенная С. А. Старостинным [2]. Она предусматривает для пралезгинского языка 94 согласный, 14 гласных и 10 сонантов — количество фонем (типологически совершенно необычное и, более того, невероятное), которое придает некоторым из приведенных сопоставлений проблематичный характер. После краткого обзора того, что было сделано в науке по теме данной монографии до сих пор («белым пятном» на кавказоведческой карте представляется автору главным образом сравнительный синтаксис, об этом см. также [3]), приводятся данные лексикостатистики, свыше 100 лексем, которые — рассматриваемые как основной лексический фонд — должны свидетельствовать о степени внутреннего родства лезгин-

ЛИТЕРАТУРА

1. Сепир Э. Язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1960. С. 187.
2. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 139.

ских языков, хотя данный метод¹ сам по себе и представляется многообещающим, необходимы все же краткие дополнительные замечания. Остается неясным, почему в статье «женщина» арч. *лэоннол* и дахур. *хунаше* не помещены рядом с крыз. *хыныб* и хиналуг. *хынимкIур* (к чему следовало бы присоединить также удин. *хуни* «жена» и *хун-чи* «сестра» <**ричи*). Лезг. *тар*, крыз. *дар* и будух. *дар* «дереву» следует считать заимствованием из перс. *dar* «ствол дерева, дерево» — слово, которое само обладает отчетливо выраженной индоевропейской этимологией (ср. авест. *dāuru* «дерево», др.-инд. *dāru* «дерево», греч. *δάρυ* «ствол дерева, дерево, копье», кимр. *derwen* «дуб» и т. д. [4]). Приводимая лексика разделена на местоимения, числительные «один» и «два», прилагательные, несколько имен существительных нарицательных, части тела, глаголы и наименования явлений природы. Следующая за этим списком лексикой статистическая таблица показывает особую близость между лезгинским, табасаранским и агульским языками при 50—69 совпадениях; примечательна большая, при 40 совпадениях близость удинского языка к агульскому, которая морфологически и фонетически вообще едва обнаруживается, а также относительно малое число совпадений между удинским, кризским и будухским языками. Особняком стоит хиналугский язык, обнаруживающий 28 совпадений с табасаранским и агульским и 22 — с лезгинским, что в процентном отношении сопоставимо с совпадениями между ним и лакским и аварским языками. На этом основании автор, не причисляя хиналугский язык к лезгинским, исключает его в дальнейшем из числа исследуемых языков [5].

Раздел «Морфология», несомненно, является основной частью работы. Боль-

¹ В значении «mass comparison» Дж. Гринберга.

шой материал содержится в анализе распространений основы, в соответствии с принципом склонения имен по двум основам» [6]; при этом, прежде чем рассмотреть оппозицию реконструированных форм пралезгинского соответствующим формам других восточнокавказских языков, автор выдвигает на первый план опыт семантического определения отдельных морфем. Рассмотрение многообразных морфем эргатива в лезгинских языках основано на допущении, что распространение основы издревле приняло на себя функцию маркирования эргатива (так, как это и по сей день отчасти присуще лезгинскому, табасаранскому и агульскому языкам). В этой связи важно мнение автора, что удинскую морфему эргатива *-н*, так же как гласные суффиксы эргатива, надо рассматривать как остатки прежнего локатива. К сожалению, автор не делает на основании этого анализа дальнейших выводов относительно специфических характеристик синтаксиса пралезгинского языка, которые можно было бы оговорить особо. Автор принимает реконструкцию пралезгинского генитива на *-*Vn*, хотя едва касается ругульских и крызских форм, обусловленных, по-видимому, как фонетической реинтерпретацией распространения основы в результате потери конечного **-н*, так и повым образованием суффикса (локативной природы?) эргатива *-ра*. Анализ существовавшей некогда в лезгинских языках дифференциации генитива по признаку органической/неорганической принадлежности [7] также, к сожалению, отсутствует. В разделе, посвященном пралезгинскому датибу, привлекает внимание афф. **-г*. Жаль, что не получило объяснения отсутствие этого форманта в удинском, ср. [8]; можно было бы также отметить его связь с маркированием инфинитива (конечным) в лезгинских языках [9, с. 184]; в удинском, например, эта морфема здесь еще существует, будучи в разряде имен, очевидно, замещенной локативом.

После исчерпывающего обсуждения системы пространственных падежей в пралезгинском (автор исходит здесь из 8 пралезгинских локализаций, которые в лезгинских языках не могут быть зафиксированы все вместе) в книге рассматриваются форманты мн. числа **-г*, **-ар*, **-эт* в пралезгинском. Следует указать на связь признака [$\pm$ одушевленный] с суф. **-г*: удинские формы типа *поп-ур* «отдельные волосы», *поп-ур-ух* «волос» (собирает.) [9, с. 100] не противоречат, на мой взгляд, тому, что признак [$\pm$ одушевленный] всегда содержит не собирательную, т. е. индивидуализиру-

ющую характеристику. Касаясь удинского языка, было бы желательно учесть морфему абсолютива мн. числа субстантивированных прилагательных (ср. удин. *кала-ор* «взрослые»). Интересно было бы также остановиться на происхождении имеющегося только в удинском языке суф. мн. числа *-ух* (<арм. *-k'*, заимствование?).

За описанием (довольно сжатым) признаков категории класса в пралезгинском (об этом см. специальную работу [10]) и флексий прилагательных следуют разделы о числительных в пралезгинском и местоимениях (здесь особенно интересен вопрос о двух типах образования генитива личных местоимений, который, однако, не получил дальнейшего освещения).

Значительное место отводится глагольной системе пралезгинского языка. Ее описание содержит разделы, посвященные категории вида, маркированию классов, спряжению, отрицанию и формам герундия. Из всего обилия материала здесь можно остановиться лишь на анализе корреляции инфиксов **-θ* ~ **-r*, обладающей функцией дифференциации видовых форм; этот анализ позволяет автору семантически мотивированно подразделить глаголы пралезгинского языка на три категории по признаку наличия или отсутствия такой корреляции. Предложенную им на основании предшествующих работ С. А. Старостина систему пралезгинского аблаута для дифференциации видов необходимо было проследить и дальше. При анализе маркирования категории времени исследование сосредоточено на структуре вспомогательных глаголов, так как автор исходит из аналитического (преимущественно?) образования времен в пралезгинском — тезиса, который, несомненно, нуждается в дополнительной проверке.

Из-за отсутствия в лезгинских языках временной перспективы разработка синтаксиса пралезгинского языка чрезвычайно трудна и проблематична. Сказалось это и в соответствующем разделе монографии Алексева. Данные отдельных языков свидетельствуют о наличии в пралезгинском эргативной и (несколько более развитой, чем сегодня) аффективной конструкции, определяемых скрытым согласованием по классу [11]. Автор предлагает здесь классификацию по критериям [$\pm$ разумность] или [$\pm$ активность], основанную на обычном для пралезгинского языка распределении лексем по четырем классам. К сожалению, чрезвычайно существенную категорию транзитивности/интранзитивности/лабильности в лезгинских языках автор рассматривает слишком кратко. Желателен был бы анализ того, в какой мере можно

установить древность оппозиции транзитивный/интранзитивный с помощью морфосемантической классификации абсолютива или эргатива по таким признакам как $[\pm\text{разумный}]$, $[\pm\text{одушевленный}]$, $[\pm\text{мужской}]$ или $[\pm\text{сильный}]$ [ср. положение в чезских, нахских и аваро-андийских языках и такие удинские предложения, как *šəfin* (эргатив) *aššim-nexa* «он смеется», *pašəyin yəren* (эргатив) *gəŋ bənəxa* «царский сын горько плачет»]. Раздел завершается исследованием маркирования второстепенных членов предложения (адресат, инструмент, локатив и т. д.), описанием различных типов определений, выраженных именем в генитиве, а также краткой характеристикой сложных конструкций (едва представленных) предложения в лезгинских языках.

Эта необыкновенно насыщенная материалом работа, к которой приложена обширная библиография (за что должен быть благодарен любой кавказовед), — незаменимое пособие в работе каждого, кто отваживается взяться за сложную тему реконструкции пралезгинского языка. К сожалению, пользование этой книгой заметно затрудняет отсутствие предметного указателя и указателя слов. Разумеется, от окончательной оценки утверждений автора рецензент вынужден воздержаться, возможным были лишь мелкие замечания по поводу некоторых проблематичных положений. Будем надеяться, что предварительные разработки в области фонетики, на которые рецензент смотрит несколько скептически и результаты которых доведены здесь до читателя без всяких комментариев, будут предложены и более обширной аудитории. Лишь тогда станет возможной проверка ряда выдвинутых положений в области морфологии также и по материалу, лежащему в их основе, т. е. исходя из установленных фонетических законов, не-

обходимых в каждом случае констатации языкового родства (об этом см. [12]).

Шульце В.

Перевела с немецкого Цивина К. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dirr A.* Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928. S. 19 f.
2. *Старостин С. А.* О реконструкции пралезгинской фонологической системы (консонантизм) // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников: Литературоведение, текстология, лингвистика. М., 1975.
3. *Алексеев М. Е.* Структура простого предложения в лезгинских языках // ИАН СЛЯ. 1985. № 4.
4. *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893. 116.
5. *Алексеев М. Е.* К вопросу о классификации лезгинских языков // ВЯ, 1984. № 5.
6. *Klimov G. A.* Die kaukasischen Sprachen. Hamburg, 1969. S. 51.
7. *Мейланова У. А.* Будухско-русский словарь. М., 1984. С. 190.
8. *Schulze W.* Remarks on the Lezgian case system // Folia Slavica. 1984. 7. P. 318.
9. *Schulze W.* Die Sprache der Uden in Nordazerbajdzan // Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache. Wiesbaden, 1982.
10. *Кахадзе О. И.* Грамматические классы в лезгинских языках. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
11. *Schulze W.* Noun classification and ergative construction in the East Caucasian languages // Proceedings of the III Caucasian colloquium. Oslo, 1986. Oslo, 1987.
12. *Schulze W.* // Kratylos. 1987. 31. Rec.: *Diakonoff I. M., Starostin S. A.* Hurro-Urartian as an East Caucasian language.

Кажибеков Е. З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (Явление синкретизма). Алма-Ата: Наука КазССР, 1986. 272 с.

Хорошо известно, что неизученность вопроса не всегда является единственно верным критерием определения его теоретической и практической ценности. Точно так же вопросы, казалось бы, в той или иной степени разработанные, могут надолго оставаться актуальными и быть объектом изучения ряда поколений ученых. Явление так называемого «тюркского синкретизма», иначе глагольно-именной корреляции, соотношения, омо-

нимии и др., которым занимались многие отечественные и зарубежные ученые, относится к числу таких проблем. Между тем исследование данной проблемы представляет одной из важных задач тюркского исторического языкознания, с решением которой связано прояснение целого ряда положений исторической грамматики: история развития тюркских частей речи, генезис словообразовательных категорий, доагглютинативное словотвор-